

И. И. Холмогоров

**Очерки арабской речи и арабской
письменности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
И11

И11 **И. И. Холмогоров**
Очерки арабской речи и арабской письменности / И. И. Холмогоров – М.: Книга по Требованию, 2013. – 50 с.

ISBN 978-5-518-07280-0

Ученые записки Императорского Казанского университета. 1862 год. Том 1. Очерки арабской речи и арабской письменности.

ISBN 978-5-518-07280-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

я говорю о практическомъ употребленіи языка. Языкъ арабскій *языкъ арабская рѣчь* (لسان عربی مبین), какъ онъ названъ въ ко-ранѣ, одинъ изъ древнихъ, богатѣйшихъ и священныхъ языковъ Азіи, принадлежитъ, какъ отрасль, къ великой семьѣ языковъ Синовыхъ, Симитскихъ (Semitarum linguae), корень которыхъ опредѣлить весьма трудно, даже невозможно, при отсутствіи прямыхъ историческихъ данныхъ (хотя многіе, и въ томъ числѣ г. Гоффманъ, приписы-ваютъ эту честь языку арамейскому), но которые въ совокупности образуютъ идіомы, во многомъ сходные между собой по корнямъ словъ и по самому строенію рѣчи, до такой степени, что зна-комство съ однимъ изъ языковъ отрасли Синовой облегчаетъ зна-комство съ другимъ языкомъ тойже вѣтви. Этотъ отдѣлъ языковъ, по моему мнѣнію и, кажется, безъ нарушенія справедливости, все-го лучше можетъ быть названъ *языками арабскими* въ обширномъ смыслѣ слова; ихъ составляютъ во первыхъ діалекты уже вымер-шіе, уцѣлѣвшіе лишь въ немногихъ письменныхъ памятникахъ, въ названіяхъ историческихъ мѣстностей, въ собственныхъ именахъ историческихъ лицъ у древнихъ писателей, на надгробныхъ мону-ментахъ, на медаляхъ и сосудахъ — сюда относятся языки фини-кійскій и пуническій (кареагенскій), слѣды котораго между про-чимъ можно видѣть у М. А. Плавта въ его комедіи »Poenulus¹⁾,

16) Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара. Спб. 1835. т. 2. стр. 453 и далѣе.

17) G. Gesenii, Thesaurus philolog. critic. linguae Hebraeae et Chaldaee veteris Testamenti. Lipsiae. 1829.

18) Arabie, par. N. Desvergers. Paris. 1847.

и 19) Jénisch, De fatis ling. ovr. commentatio, въ пред. къ словарю Менинскаго.

¹⁾ Особенно Act. V. Sc. I., гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, кареагенянинъ Ханнонъ, говоритъ по кареагенски (punicè) стихами. Эта рѣчь Ханнона отчетливо реставрирована, на основаніи другихъ памятниковъ и при пособіи еврейскаго язы-ка, извѣстнымъ знатокомъ симитскихъ древностей, Гезеніусомъ. Замѣчательно, что прежде этого ученаго ни Бохартъ, ни Бартеlemi, ни Беллерманъ и друг. толкователи кареагенскихъ стиховъ у Плавта, не обращали вниманія на переводъ ихъ, хотя недословный, однако сохраненный самимъ Плавтомъ и начинающійся словами: Deos deasque veneror, qui hanc urbem colunt etc. (Gesenii, Scrip. ling. Phoen. mon. P. I. pg. 366

въ надписяхъ, найденныхъ на островѣ Мальтѣ, въ Сардиніи, въ другихъ мѣстахъ карфагенскихъ поселеній и въ настоящее время болѣе или менѣе удачно объясненныхъ Гезеніусомъ, Мункомъ, Соси, (Saulcy), Беллерманномъ ⁽¹⁾ и другими учеными; далѣе, языкъ евреевъ, живущій въ священныя бытописанія еврейскаго народа и діалектъ этого языка, извѣстный подъ именемъ раввинскаго; потомъ языки семитскіе отрасли арамейской, такъ называемые отъ слова Арамъ, означающаго Сирію и Междурѣчье (Месопотамію), въ противоположность Ханъаву или »Низменности«: они заклю-

закл.)). Въ этихъ карфагенскихъ стихахъ римскаго конника встрѣчаются и чисто-арабскіе корни. Такъ въ первомъ стихѣ *алонимъ* и *алонутъ* (вышніе и вышнія) имѣютъ корнемъ арабскій или, скорѣе, общесемитскій глаголъ *ала* (былъ высокъ); *зикарти* (славлю) арабское *закарту* славлю, вспоминая; *симакомъ* (это мѣсто, буква с, по замѣчанію Гезеніуса, есть сокращенное мѣстоименіе еврейскаго указательнаго мѣстоим. *ашеръ* тотъ который) арабское *макамъ* мѣсто; *зита* араб. *за* этотъ. Во второмъ стихѣ: *истиаль* арабскій корень *сааль* спрашивалъ и еврейск. *шааль*. Въ 3-мъ стихѣ: *бинъ-ахи* въ арабск. *бенъ-ахи* сынъ брата моего; *лдида*, какъ думаетъ читать Гезеніусъ по образцу Беллерманна, имѣетъ въ арабскомъ языкѣ равносильное *уадуду* мой возлюбленный. Въ 4-мъ стихѣ общіе арабскому языку корни: *руахъ*, *роббъ*, *силлоомъ* (араб. *легомъ*) для нихъ. Въ 5-мъ стихѣ: *моутъ* (смерть) общесемитское слово, *охомъ* (братство) араб. *охаватъ*, *ли-ве-лахъ* (мнѣ и тебѣ) арабское *ли-ве-леке*. Въ 6-мъ стихѣ: *исъ* (еврейск. *ишъ*, арабск. *исанъ*) мужъ, человекъ; *лифуль* (для дѣла) арабск. *лифи'ль*. Въ 7-мъ стихѣ: *хмимъ* (арабск. *хунъ*) вдѣсь. Въ 8-мъ стихѣ: *еманати* (*foedus meum*) арабское *еманати* моя довѣренность. Въ 9-мъ стихѣ: *убулимъ* (*regiones*) арабское: *ибель* или *джебель* гора. Въ 1-мъ стихѣ: *боди* (по Гезеніусу сокращенная форма *абдъ* и *ободъ* рабы), арабское *абдъ*, *абидъ*, *ибадъ* рабы; *самъ* имя, арабское *исмъ*, гдѣ буква *и* приставлена для благозвучія и называется элифомъ соединительнымъ.

¹⁾ Phoeniciae linguae vestigiorum in Melitensi. Spec. I. Berolini 1809. и его же: De Phoenicum et Poenorum inscriptionibus. Berolini. 1810. Мнѣніе Беллерманна, что въ языкѣ мальтійцевъ сохранилась извѣстная примѣсь финикійско-пуническаго элемента, не лишено основанія, если принять въ разсчетъ древнюю колонизацію острова Мальты Финикиянами.

чаютъ въ себѣ діалекты вавилонскій или халдейскій, самаританскій и сирійскій, довольно богатый памятниками письменности, въ числѣ которыхъ можно указать на сирійскую хронику Абу-ль-Фараджа (Баръ-Ебрея, род. 1226, ум. 1286 по Р. Х.), на переводы Евангеліа и на творенія отцевъ церкви—Евфрема Сирскаго (IV в. по Р. Х.), Феодора Мопсуеста (V в. по Р. Х.¹⁾); за тѣмъ слѣдуютъ живые языки: абиссинскій (эѳіопскій, амгарскій), а потомъ обильнѣйшій изъ всѣхъ семитскихъ языковъ умственными произведеніями и замѣчательно-обработанный въ отношеніи грамматическомъ—языкъ собственно арабскій. Онъ, кромѣ общеусвоеннаго ему дѣленія на книжный и народный (لغة العامية لغة التحوية) дробится въ устахъ народа на отдѣльныя нарѣчія, болѣе или менѣе удаленныя отъ языка книжнаго, ученаго; однако, главнымъ образомъ, состоитъ изъ двухъ отраслей восточной и западной, на

¹⁾ Языкъ сирійскій причисленъ г. Гофманномъ, на основаніи извѣстій Вольнѣ и др. путешественниковъ (въ противность мнѣнію Нибура) къ нарѣчію уже вымершему, употребляемому только при богослуженіи у сирійскихъ христіанъ: Маронитовъ, Якобитовъ, Несторіанъ и Мельхитовъ. (Cf. Hoffmann, Gram. Syr. pgg. 33 et sqq). Между тѣмъ нельзя пренебречь свидѣтельствомъ извѣстнаго ученаго сирійца Антонія Арыды, который, объяснивши, что сирійскій языкъ назадъ тому столѣтъ употреблялся въ различныхъ областяхъ Сиріи, а преимущественно на горѣ Ливанской, въ окрестностяхъ Бошрае и Тараблуса (Сирійскаго-Триполи), прибавляетъ, что жители двухъ деревень вблизи Дамаска, Маалуле и Сайденал, хотя греки-мельхиты; однако кромѣ арабскаго языка говорятъ также сирійскимъ, очень-испорченнымъ, далекимъ отъ настоящаго. Этотъ же ученый говоритъ далѣе: «что касается сирійскаго языка въ отношеніи къ городамъ Сиріи, то онъ употребляется лишь въ церковномъ чинѣ (фи-рутбатъ-эль-кенйсе). Говорю (слова Арыды)—въ отношеніи къ городамъ Сиріи—потому-что какъ извѣстно въ Мосулѣ и въ окрестностяхъ Маредива сирійскій языкъ обращается въ народѣ повсемѣстно. Я самъ бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ жителей этихъ городовъ—продолжаетъ Арыда—кромѣ языка арабскаго, они говорятъ также и по сирійски (ятакеллемуна-ссоріанійята-айдзанъ); но какъ это бываетъ за обычай, языкъ ихъ испорченъ, уклоняется отъ настоящаго». Jabn, Arab. Chrest. Dial. IV. Это указаніе подтверждаетъ слова Нибура.

долю первой вынадеють нарѣчія, употребляемыя въ Сиріи (Шамъ), въ Египтѣ, въ Хаджазѣ и на всемъ Джезиратъ-эль-арабъ (арабскомъ полуостровѣ), гдѣ опять слышатся дробныя нарѣчія у племенъ бедуниныхъ, западная-же отрасль принадлежитъ Азхиру (Альджезире) и всему африканскому побережью средиземнаго моря, Фену, Марокко (Марокенъ), Тунису, острову Мальтѣ (крайне-испорченный діалектъ¹⁾), даже острову Мадагаскару — и всюду съ извѣстными, конечно, отгѣнками, такъ что, при нѣкоторомъ ограниченіи, можно допустить, что арабская народная рѣчь, какъ языкъ торговли, путешествій и религій, слышится въ лучшей части материковъ азіатскаго и африканскаго; еслиже прибавить сюда повсемѣстное у мусульманъ изученіе корана и мусульманской юриспруденціи, основанной на коранѣ, то найдемъ, что арабскій языкъ, какъ языкъ религій и школы, господствуетъ еще въ степяхъ и городахъ Средней-азіи, въ Индостанѣ (между мусульманскимъ населеніемъ) въ пустыняхъ Сахары, частью въ Суданѣ, въ Персіи, въ Афганистанѣ, въ Турціи и въ Россіи, между мухаммеданами. Обитатели поименованныхъ краевъ, мусульмане, хотя говорятъ мѣстными языками, но приняли въ письмѣ алфавитъ арабскій съ нѣкоторыми измѣненіями или прибавленіями. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ народный арабскій языкъ, письменный или книжный языкъ изучается въ школахъ (медресахъ, мектебахъ) и служитъ языкомъ литературы; впрочемъ, если вѣрить свидѣтельству ученаго сирійца Антонія Арыды, то не существуетъ особенной разницы между языкомъ книжнымъ и рѣчью народа, по крайней мѣрѣ мнѣніе Арыды омазывается вполне справедливымъ въ приложеніи къ формамъ діалекта, употребляемаго въ Сиріи²⁾. Я нарочно приведу здѣсь мнѣніе Арыды, выраженное въ его трактатѣ о различіи книжнаго и народнаго языковъ. — »Между араб-

¹⁾ Самое названіе этого острова *Melite* на языкѣ финикійскомъ значить: *убѣжище, століка*, какъ замѣчаетъ Бохартъ и, вслѣдъ за нимъ, Гезеніусъ. Cf. Script. ling. Phoenic. monumenta, Par. I. pg. 92.

²⁾ См. Grammaire de la langue arabe vulgaire et littérale, par Savary. Paris. 1813. Разговоры, помѣщенные авторомъ въ концѣ своего труда, почти не даютъ чувствовать никакой особенной разницы въ нарѣчіи народномъ сравнительно съ языкомъ книжнымъ, исключая очень немногихъ формъ.

ский народный языкъ и языкомъ книжнымъ (говорить онъ). нѣтъ того различія, какое замѣчается между латинскимъ и нынѣшнимъ итальянскимъ. Разница эта походитъ на разницу, существующую здѣсь, въ нѣмецкихъ земляхъ (слова Арыды), между рѣчью простолюди и рѣчью установившейся, какую молодые люди изучаютъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Но труды, сопряженные съ изученіемъ арабскаго книжнаго языка, значительнѣе тѣхъ, какіе требуются при изученіи языка нѣмецкаго, во-первыхъ потому, что основанія арабскаго языка и его обороты многочисленнѣе и труднѣе, а во вторыхъ, арабскій языкъ своей обширностью, краснорѣчіемъ, обиліемъ словъ и значеній (мѣани) превосходитъ прочіе извѣстные языки и до такой степени, что найдется много сочиненій, гдѣ простой народъ не можетъ понять даже ни одного предложенія ⁽¹⁾. Это самое внушило въ некоторыхъ мысль, будто бы народный языкъ отличенъ отъ книжнаго, ученаго; въ существѣ, оба языка составляютъ одинъ и тотъ же, только богатство послѣдняго и обиліе его многочисленныхъ значеній дѣлаютъ его затруднительнымъ для невзвучившихъ его въ совершенствѣ. Однако при этомъ я не отвергаю (продолжаетъ Арыда), что народъ изобрѣлъ вновь разныя слова и выраженія, несоотвѣтственныя арабизму; но какъ-бы то ни было, только подобныя вещи можно считать ничтожными, если брать во вниманіе обширность и обиліе арабскаго языка. Эти новыя слова не встрѣчаются никогда ни въ письменности, ни въ арабскихъ словаряхъ, которые соблюдаютъ невредимыми отъ всякой примѣси и новыхъ словъ; такія рѣченія обращаются лишь въ народѣ, какъ напр. *мидфаа* пушка, собственно: орудіе, которое отталкиваетъ, отгоняетъ; *бондокийе* мортира, собств. венеціанка, потому что первое орудіе въ этомъ родѣ привезено къ намъ изъ Венеціи, *барудъ* порохъ, потому что зерна его походятъ на желѣзные опилки ⁽²⁾.«

Мысль о тождествѣ арабскаго книжнаго и арабскаго народ-

¹⁾ Это обиліе арабскаго языка, какъ видно изъ исторіи арабской литературы, было причиной обстоятельства, что нѣкоторые писатели, желая быть понятными для большинства читающей публики, комментировали саміе свои произведенія.

²⁾ Едва ли это слово не греческое, произведенное отъ *πυρ*, Персіане произносятъ: *барути*.

наго языка поддержана также и г. Bresnier, профессоромъ арабскаго языка въ Алжирѣ: въ предисловіи къ своему сочиненію ⁽¹⁾ онъ старается доказать, что діалектъ арабскаго языка на книжный и народный (arabe vulgaire et arabe littéral) ничто иное, какъ укоренившійся предрассудокъ и если составленное имъ самимъ г. Брешье руководство названо chrestomathie arabe-vulgaire, то это сдѣлано съ той цѣлю, чтобы преждевременно не идти на мерзость общему предрассудку. Между тѣмъ я съ своей стороны долженъ замѣтить, что народный арабскій языкъ въ нѣкоторыхъ арабскихъ нарѣчіяхъ значительно отступилъ отъ формъ языка книжнаго, ученаго и кажется непонятнымъ съ перваго раза для изучавшихъ только языкъ книжный, особенно по причинѣ быстраго произношенія гласныхъ и придачи къ корнямъ нѣкоторыхъ буквъ, въ противность языку книжному. Въ народномъ языкѣ рѣдко встрѣчается двойственное число въ глаголахъ и въ именахъ; въ немъ усякаются также конечные гласные знаки въ произношеніи. Такъ наприим. вмѣсто книжнаго произношенія фразы: *ya aṣfaru minn-ʿal-ḥaṣufi* (онъ побѣдилъ, собств. пожелѣлъ, отъ страха) современный арабъ произнесетъ ту же фразу: *ya aṣfar minn-ʿal-ḥaṣufi*. Лучшая и чистѣйшая арабская рѣчь слышится въ Сиріи, въ Еменѣ ⁽²⁾ и у арабовъ пустынныхъ, хотя нѣкоторые поколѣнія бедуиновъ выговариваютъ нѣныя буквы совершенно особенно, нежели это водится въ языкѣ книжномъ; такъ наприим. вмѣсто *k* произносятъ *č* (*čalč* собака, у нѣкоторыхъ бедуиновъ *čalč*). На Ливанѣ самая правильная арабская рѣчь слышится въ Дейръ-эль-Камарѣ, даже чище, нежели въ Алеппо (*Ḥaleb*) и Дамаскѣ ⁽³⁾.

¹⁾ Chrest. arabe-vulgaire, par Bresnier. Alger, 1846. pg. 2, 3.

²⁾ М. Herbin въ своемъ руководствѣ »Développemens des principes de la langue arabe moderne, Paris. 1803.« говорить, что Еменское нарѣчіе мало разнится отъ языка, которымъ говорили тамъ назадь тому много столѣтій и почти походитъ на то, какими писаны кораны. И такъ, лучшей арабской рѣчью можно бы назвать ту, которая приближалась бы къ языку поэмъ Аравіи и къ языку корана.

³⁾ Какъ мало отклонилась арабская народная рѣчь отъ книжнаго языка преимущественно въ Сиріи, я могу доказать наприим. частнымъ письмомъ изъ Мосула, писаннымъ въ 1855 г. Надѣюсь,

Симитскіе языки, за исключеніемъ эѳіопскаго или абиссинскаго (амгарскаго), слѣдуютъ общей системѣ письма отъ правой руки къ лѣвой ⁽¹⁾. Гофманнъ въ своей сирійской грамматикѣ старается доказывать, что древнѣйшее письмо симитскихъ народовъ есть письмо вавилонское, основываясь на томъ, что древніе вообще неясно различали ассирійцевъ, сирійцевъ, халдеевъ и вавилонянъ, а также руководствуясь изысканіями Реланда, Мюнтера и др. »Гораздо достовѣрнѣе говорить оныя что финикійне были только разпространителями письменности на западѣ и что между симитскими

миѣ извинять, если часть изъ него я приведу здѣсь въ подлинникѣ:
 من بعد اهداكم اوفر البركة الرسولية مع جزیل السلام بالرب:
 من ذالك ان كان نسال (كُنْتُ—бы) من كرم الباری
 فی حال الصحة والعافية موجودین التي نرغب من كرمه تعالى
 مثلها لبنوتكم ثم قبلها اذا كان رسلنا (كُنَّا. вм.) لكم تحریر اخر
 وبه اخبرناكم عن جواب تحریركم وسأیلتم (سالتهم. вм.) عن خوانكم
 (اخوانكم. вм.) وعن اهلکم قد جا لنا الجواب من السيد.....
 وبه یخبرنا با اهلکم وخوانکم فی حال الصحة موجودین وکیفهم
 (кейфъ, слово народное) ملیح ومنهم عن قریب یجی لنا تحریر ایضاً
 بموجب ماخبرونا
 и проч.

¹⁾ Неизвѣстно: по какому случаю въ статью энциклопед. лексикона, Плюшара Амара, Амарскій языкъ (т. 2 стр. 82 изд. 1835 г.) вралась небольшая ошибка? Составитель статьи выражается, что »амарскій, какъ и другіе эѳіопскіе діалекты, пишется, подобно арабскому и еврейскому, отъ лѣвой руки къ правой.« Это мнѣніе справедливо въ отношеніи абиссинскаго (эѳіопскаго) языка; но неправильно въ отношеніи прочихъ симитскихъ языковъ, равно какъ надписей палмирскихъ и финикійско-пуническихъ, которыя читаются отъ правой руки къ лѣвой. Во всякомъ случаѣ, если допустить опечатку, то погрѣшность будетъ противъ абиссинскаго алфавита. Въ алфавитахъ, изданныхъ въ 1631 г. въ Римѣ обществомъ »de propaganda fide«, приложенъ и алфавитъ абиссинскій, буквы

народами честь изобрѣтенія буквъ принадлежитъ арамейцамъ (вавилонянамъ), преимущественно обработавшимъ свою рѣчь. Въ этомъ случаѣ не надобно опускать изъ виду того обстоятельства, что названія греческихъ буквъ, безъ сомнѣнія перешедшія къ грекамъ вмѣстѣ съ самыми знаками, поставлены съ членомъ на концѣ, или, за неизмѣнѣть его въ языкахъ семитскихъ арамейской отрасли, *in statu emphatico* чрезъ наращеніе *a*. Сверхъ того, нація, совершенно-преданная мореплаванію и торговлѣ, каковы были Финикійцы, едва-ли бы могла заимствовать названія буквъ отъ именъ животныхъ или отъ предметовъ, болѣе касающихся быта земледѣльческаго или пастушескаго: она скорѣе обратилась бы въ этомъ случаѣ къ названіямъ тѣхъ предметовъ, которые всего болѣе могутъ интересовать морехода и купца и которые находятся ближе къ нему. Я не буду слѣдить здѣсь за измѣненіями и постепенными переходами алфавитовъ: вавилонскаго, финикійскаго, самаритянскаго и палмирскаго, алфавитовъ крайне-некрасивыхъ, которые со-временемъ преобразились въ сирійское эстрангело ⁽¹⁾ или въ письмо несторіанское или въ квадратное письмо халдеевъ, перешедшее

котораго, въ переводѣ св. Евангелія отъ Іоанна (гл. I) сопровождаются подстрочной латинской транскрипціей слѣва на право, а прочіе семитскіе алфавиты читаются съ права на лѣво.

¹⁾ Хотя нѣкоторые выводятъ названіе сирійскаго эстрангело отъ греческаго слова *στρογγύλος* крутой; однако достовѣрнѣе согласиться съ Михаелисомъ и Адлеромъ на производство этого слова отъ двухъ словъ: арабскаго *инджумъ* или *иниль* евангеліе и сирійскаго *сиптръ* письмо, что будетъ означать «почеркъ, которымъ преимущественно писали евангелии». Cf. Ed. Castelli, Lexic. Syr. cur. Michaëlis. Goet. 1788 pg. 55. Это древнѣйшее сирійское письмо, употреблявшееся преимущественно до 800-го года по Р. Х. Впрочемъ уже въ 548 году по Р. Х., какъ опредѣляетъ это Адлеръ при описаніи сирійскихъ ватиканскихъ рукописей, былъ въ ходу и обыкновенный сирійскій почеркъ. Надобно думать, что почеркъ эстрангело болѣе употреблялся при заглавіяхъ въ священныхъ книгахъ; тоже можно сказать на счетъ такъ называемаго двойнаго сирійскаго почерка, гдѣ каждая буква обводится вдвое для красоты и ничуть не разнится отъ крупнаго эстрангело.

потомъ въ еврейскъ, или въ новосирійское письмо или въ арабское куническое, образовавшееся изъ сирійскаго эстрангело, а изъ куническаго обратившееся въ нынѣшній арабскій почеркъ несхи— а еще коснусь этого предмета, хотя отчасти, при изслѣдованіи собственно-арабскихъ почерковъ.

Не подвержена сомнѣнію важность знанія арабскаго языка для тѣхъ, кто захотѣлъ бы короче ознакомиться съ мусульманскою цивилизаціей, подъ которой, помимо національностей, я разумѣю отпечатокъ, характеръ, придаанный арабами народамъ, или завоеваннымъ; силою меча арабы-мухамедане заставили ихъ отказаться отъ всего роднаго, даже въ иныхъ случаяхъ отъ собственнаго языка, тѣмъ болѣе отъ гражданскихъ законовъ, заповѣданныхъ кораномъ и преданіями, дошедшими отъ Мухаммеда и его ближайшихъ асхабовъ (сотоварищей) и табіевъ (послѣдователей). Въ самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ подчинившихся исламу народовъ не умѣлъ, или, лучше сказать, не могъ сохранить вполне свою самостоятельность; потому-что коранъ преобразилъ не только внѣшнюю сторону жизни ихъ, но даже коснулся и семейнаго быта, такъ что можно сказать, будто Мухаммедъ старался сплавить отдѣльныя націи и образовать изъ нихъ общее братство, провозвѣщаемое арабскимъ учителемъ въ его моравѣ. Обратимъ ли вниманіе на Персію? здѣсь выразилась рабская покорность постороннему вліянію: богатый языкъ парсовъ, индо-германская отрасль, принимавъ въ себя большой запасъ словъ и выраженій арабскихъ, которыхъ не избѣгаетъ даже сельское населеніе — до такой степени они укоренились у персіянъ. Языкъ турецкій, и особенно его образованнѣйшее варѣчіе османское, не чуждъ этой примѣси, да кромѣ того онъ заимствовалъ для себя довольно словъ персидскихъ и я, не опасаясь преувеличенія, могу высказать, что кто желаетъ вполне усвоить литературный языкъ османовъ, тотъ долженъ достаточно ознакомиться и съ арабскимъ и съ персидскимъ языками, потому что, наприм. встрѣчаются цѣлыя турецкія фразы, гдѣ употребленъ только турецкій глаголъ, изрѣдка чисто-турецкое слово, падежныя окончанія и частицы, а прочее—смѣсь арабскихъ словъ съ персидскими. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, я укажу на извѣстную константинопольскую газету *»джериде-и-авадисъ«*, на твореніе Сеида-Мухаммеда-Ризы *»семь планетъ-исторія крымскихъ хановъ или на «Сефаретъ-намѣ» Вакидъ-эфенди, изданномъ*

въ 1843 году, въ Парижѣ. Кромѣ того, къ чисто религіозному преобладанію арабскаго языка у мусульманъ въ ихъ школахъ способствуетъ и самое богатство арабской литературы, классическія произведенія которой во всякое время служили образцами для поэтовъ и прозаиковъ персидскихъ и турецкихъ, не говоря уже о бѣдной письменными памятниками литературѣ тюркистанцевъ и татаръ.

Были ли арабскія племена аборигенами Аравіи или причислялись къ сѣвера, къ Месопотамскихъ равнинъ, вслѣдствіе какого-либо политическаго, неизвѣстнаго исторіи, переворота—это относится къ области гипотезъ, недоказанныхъ фактами. Извѣстно лишь достоверно, что съ незапамятныхъ временъ названіе Аравіи придается всему арабскому полуострову, который слышетъ у жителей края то подъ именемъ *арабская острова* (джезиратъ-эль-арабъ⁽¹⁾), то подъ именемъ арабскихъ областей (биладъ-эль-арабъ), а у персіянъ подъ именемъ арабистана. Жители полуострова именуются аравитянами, арабами; въ библейскихъ сказаніяхъ они нередко называются исмаильянами и «Бени-Кедешъ» сынами востока⁽²⁾, у византийцевъ агарянами, а въ средніе вѣка сарацинами (sagaceni, sarrasin) отъ испорченнаго арабскаго слова *шаркійюк* и *шаркійникъ* (житель востока), въ противоположность *марбіюнкъ*, *марбіиликъ* и *марребиликъ* (житель запада, мавръ⁽³⁾). Одни производятъ названіе Аравіи отъ еврейскаго слова *арабъ* обширная пастбища, пустыня, другіе отъ сирійскаго *ардбъ* смѣшивать, по причинѣ смѣшаннаго населенія полуострова⁽⁴⁾, иные, какъ наприм. Мотаррези, цитиро-

¹⁾ Слово: *джезира* или съ членомъ *альджезира*, хотя означаетъ *островъ*, какъ наприм. въ названіи Месопотаміи по арабски; но въ названіи Аравіи и Алжира принимается въ смыслѣ полуострова.

²⁾ Cf. Gesenii, Thesaur. philolog. criticus linguae Hebraeae et Chaldaeae veteris testamenti. Lips. 1829. pg. 217, подъ словомъ *бенъ*. Извѣстно, что изобрѣтеніе письменъ приписывается также Кадму.

³⁾ *Маиребъ* западъ, западные края, противопоставляется слову *маирекъ* (или *маирикъ*) востокъ. Мнѣнія о различныхъ названіяхъ Аравіи и арабовъ подробно рассмотрѣны у Эд. Покока въ выше-приведенномъ сочиненіи, стр. 33.

⁴⁾ Въ сирійскомъ словарѣ Эдм. Кастелла, изданномъ особо Ми-